

АНДРЕЙ ДАШКОВ

УМРИ ИЛИ ИСЧЕЗНИ!

КАЛЕНДАРЬ СНОВ - 1

Календарь снов

Андрей Дашков

Умри или исчезни!

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Дашков А. Г.

Умри или исчезни! / А. Г. Дашков — «Мультимедийное издательство Стрельбицкого», — (Календарь снов)

Не имеет значения, какое из доступных и проживаемых тобой «сновидений» ты считаешь реальностью. Будь ты неприкаянным одиночкой в бурные 90-е минувшего века, или плейбоем-миллионером и гражданином Империи, в истории которой не было Октябрьского переворота; или одним из последних «Новых тамплиеров», странствующих по пустыне разрушенного мира в поисках некоего храма, - рано или поздно ты начнешь ощущать себя объектом преследования со стороны не поддающихся объяснению сил. И тогда не только «сновидения» обернутся кошмарами, от которых нельзя очнуться, но и «наяву», в утратившей незыблемость и далеко не единственной реальности, станут насущными лишь поиски путей для бегства и сохранения рассудка. Для начала надо признаться самому себе, что ты – всего лишь пешка в смертельно опасной игре. Затем принять как должное абсурдность происходящего и не пренебрегать помощью союзников, которые невольно разделяют с тобой судьбу беглецов. И тогда тебе, возможно, удастся продержаться в мистическом лабиринте «Календаря снов»... какое-то время.

© Дашков А. Г.

© Мультимедийное издательство
Стрельбицкого

Содержание

ПРОЛОГ	6
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	8
ГЛАВА ПЕРВАЯ	8
ГЛАВА ВТОРАЯ	9
ГЛАВА ТРЕТЬЯ	13
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ	17
ГЛАВА ПЯТАЯ	21
ГЛАВА ШЕСТАЯ	22
ГЛАВА СЕДЬМАЯ	24
ГЛАВА ВОСЬМАЯ	27
ГЛАВА ДЕВЯТАЯ	30
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Андрей Дашков Умри или исчезни!

*Ушедшим на ту сторону
с надеждой на снисхождение*

А.Д.

*В поле не видно ни зги.
Кто-то зовет: «Помоги!»
Что я могу?
Сам я и беден и мал,
Сам я смертельно устал,
Как помогу?
Кто-то зовет в тишине:
«Брат мой, приблизься ко мне!
Легче вдвоем.
Если не сможем идти,
Вместе умрем на пути,
Вместе умрем!»
Федор Сологуб
Поэтому пугаете напрасно
Тем, что миры безмерны и безгласны
И небеса мертвы. Здесь, за дверьми,
Пространства столь же пусты и ужасны*.*

Роберт Фрост. Пространства

*** Перевод В. Топорова.**

ПРОЛОГ ПОГРУЖЕНИЕ

Рано или поздно почти у каждого человека возникает впечатление, что весь мир сошел с ума. Вы то и дело слышите о чудовищных преступлениях, которые кажутся бессмысленными, о кровавом терроре, радиоактивном заражении и о тысячах людей, медленно умирающих от белокровия. Из утренних новостей вы узнаете о взрывах поездов, отрезанных головах и вспоротых животах беременных женщин, о том, что еще пять сотен восемнадцатилетних солдат стали вчера пушечным мясом... Юные матери душат младенцев или топят их в нужниках; инвалиды сгорают заживо; дети гибнут под колесами грузовиков... Кто-то невидимый дергает за веревочки, и кого-то выбрасывают из окна; кому-то всаживают пулю в голову; чьи-то грязные и мясистые пальцы касаются красивого и нежного, оставляя жирное пятно... Кое-что можно объяснить проявлениями инстинкта самосохранения или плохой наследственностью. Успокаивает, не правда ли? Психушки переполнены, однако вокруг слишком много агрессии и суицида... Добропорядочные отцы семейств оказываются насильниками и убийцами малолетних, а милая пара пенсионеров – каннибалами, предпочитающими всему остальному нежное мясо школьников... На вокзалах находят трупы бездомных, замерзших минувшей ночью... Все это еще очень далеко от вас и даже не вызывает содрогания.

Тихий бедный человек из соседнего подъезда. Он оказался в неподходящем месте в неподходящее время, и его убили, выпив затем над телом бутылку «Столичной». Сорок ножевых ран... Внимание! Ваш страх должен напомнить вам о чем-то, но вы еще не знаете – о чем. Приближается что-то жуткое. Оно ближе и ближе. Вы – как слепой котенок на маленьком острове, а вода все прибывает. Это означает удушье и холодную мокрую смерть...

Кто-то изнасиловал вашу тринадцатилетнюю дочь. «Незапятнанная чистота, святая невинность» – звучит высокопарно, согласны? Слова из другого столетия или из романтических книг. Впрочем, дело не в этом. Вами овладевает депрессия. Ваша жизнь необратимо меняется. Что-то сломалось внутри и никогда не будет прежним. Часы еще идут, но они лишь отсчитывают время до наступления сумерек в сознании... Теперь уже постоянная боль не дает вам уснуть. Откуда пришло это нечеловеческое зло? Вам казалось, что его раньше не было здесь. Боль, боль, разрывающая сердце... Как долго можно жить с этим?..

Ваши запасы амитриптилина стремительно убывают, но прием психотропных средств означает, что ваш мозг превращается в адскую машинку. Вы думаете, что в нем уже поселились химеры? Они всегда были там.

Потом – в лучшем случае – оказывается, что все это было ночным кошмаром, сном, оставившим тяжелый осадок. Возникает искушение приоткрыть раковину. Неужели начинается белая полоса? Кто-то дразнит вас любовью. Ваш дом наполнен солнечным светом или ласковой бархатной тьмой... Но будьте осторожны! Может быть, сейчас, в эту самую минуту, когда вы спокойно лежите в своей постели, слушая, как Джо Кокер поет «Night Calls», ваш двойник, ваше настоящее «я» в другом мире стремительно приближается к смерти. Его секунды сочтены. Жернова неведомой судьбы уже начали неумолимо вращаться...

Все, что вы можете, – это плакать от бессилия или кричать от боли. Поздно. Прежде чем вы умрете, вас ожидает непрерывное страдание. Такова цена неведения. Зло приходит с изнанки жизни...

Ваш двойник бредет за вами по темной стороне улицы, и если он будет раздавлен чем-то неопишмым, знайте – пришел и ваш черед. Это просто, как все непостижимое. Те, кто принимает это как должное, гибнут молча и, может быть, рождаются вновь. Есть такие, которые умирают, недоумевая. Они с удовольствием пожили бы еще. Они думали, что это зависит от

них хоть в малейшей степени. Примерно такую же самонадеянность проявляют коровы, которых ведут на убой...

Но есть и те, кто по неизвестной причине получил возможность заглянуть в мир вечных сумерек и окунуться в теплые течения жизни и ледяные течения смерти. За страшное знание приходится дорого платить. Ветер ужаса непрерывно дует из темноты, отделяя волосы на голове друг от друга.

Все нижеследующее написано для тех, кто не боится испортить прическу.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ МГЛА

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Он передвигался от острова к острову – усталый беглец с ужасающей судьбой, обреченный большую часть жизни скитаться во мраке чужих пространств, – и очень хорошо знал, что от людей герцога не следует ждать пощады. На самом деле его враг не был герцогом, а слуги врага не были людьми и, вероятно, даже не были живыми, но такими они иногда снились человеку, а беглец любил это жалкое, потерянное и такое одинокое создание, обитавшее в одном из микроскопических мирков, полном иллюзий вроде материи, звезд, планет, времени... Человек был почти так же одинок, как сам беглец, но большего двуногий и не выдержал бы...

Человек был крайне ограничен; союзники и враги представлялись ему людьми или по крайней мере существами. Источники силы он воспринимал как нечто вещественное, например, как деньги, стены, амулеты, озера или леса; течения, увлекавшие к худшему, казались ему интригами, а редкие островки благополучия – случайностью.

Беглец вынужден был признать, что жизнь двуногого расцвечена великим множеством декораций. Его истинный ландшафт был куда проще и куда страшнее: мир без Солнца и Луны, верха и низа, пустоты и наполненности... Иногда, вторгаясь в человеческие сновидения, беглец представлял себе черную равнину, уходящую в бесконечность, а над равниной – кровавую рану заката в грозových облаках. Как ни странно, в ней была сосредоточена его неутоленная жажда покоя... И все же он был суровой и сильной тварью, гораздо более сильной и опасной, чем человек. Такими же были его враги.

Вот почему люди иногда пытались продать им свои души.

То существо, его бледная тень, так страдало от неизвестности, бесплодных надежд и противоречивых желаний, так раздражало беглеца своей амбициозностью, что временами он надолго бросал его, но затем прощал ему все, ибо неведение считалось не самым большим грехом. Для беглеца жизнь всегда была непрерывной энергетической войной против враждебного и непостижимого окружения, а существа вроде герцога являлись его неотъемлемой частью. Все очень просто: игра имела одно-единственное правило – продержаться как можно дольше. Поиски смысла лишь уменьшали шансы. Поиски спасения уменьшали их до нуля...

Беглец не испытывал ненависти даже к своему злейшему врагу – герцогу, ведь благодаря врагам никто не мог рассчитывать ни на божественную власть, ни на вечную жизнь.

Ирония, заключенная в двойственности существования, всегда забавляла беглеца. И хотя он знал многих, кто непроницаемым щитом отгородился от своих ничтожных союзников, сам беглец был готов прийти на помощь двуногому.

Когда-то он позволил себе проникнуть в человеческие сны...

ГЛАВА ВТОРАЯ

Седой лежал и смотрел, как сгущаются ранние зимние сумерки. Его руки мелко дрожали, а сухость во рту была вызвана отнюдь не жаждой. Через окно в комнату, пропахшую красками и пылью, медленно вливалась тьма. Прошел час, и беззвездное небо стало похожим на плоский лист картона, покрашенный черным.

Однокомнатная квартира Седого находилась на последнем этаже шестнадцатизэтажного дома; две ее стены были наружными, и в ветреные дни ему иногда казалось, что он живет в ветхом гнезде, прилепившемся к ветке гигантского дерева. Сейчас это дерево остервенело раскачивал ледяной февральский ветер. Но Седой знал, откуда исходит настоящее зло.

Он покосился на картину, которую закончил две недели назад. Теперь он твердо решил избавиться от нее, если только уже не было поздно. Во всяком случае, она убила в нем что-то. С того момента как Седой положил на холст последний мазок, он не мог работать. Ее странное влияние опустошало его, а бездеятельность наполняла страхом. Словно мертвый, но все еще ядовитый цветок, картина отравляла воздух, искажала своим присутствием пространство, выворачивала вовне свое темное двухмерное чрево.

Седой написал ее за одну ночь в каком-то угаре, похожем на сильное алкогольное опьянение. Она воплощала в себе навязчивый ночной кошмар – проклятие всей его взрослой жизни. Таким образом он надеялся избавиться от него, однако кошмар стал вещественным и сосредоточился в прямоугольной луже краски.

Он старался не думать о Лунном Человеке – это был совсем другой страх, родом из грязно-розового детства, – но его Седой даже не пытался писать. Ни одна картина не могла передать полузабытого леденящего ужаса. Тот кошмар был невоспроизводим...

Выставка явилась бы удобным случаем избавиться от собственного творения. Седой слабо верил в то, что она действительно состоится. Ждать осталось недолго. Он решил, что сожжет картину, если не сможет ее продать. Почему-то ему казалось, что уничтожение холста не освободит его сознание от липкой паутины, однако новый хозяин примет на себя и его проклятие.

Мысль об этом наконец позволила Седому заснуть. Темнота опустилась, как занавес, а потом он снова увидел свою комнату при очень слабом лиловом свете, только непонятно было, откуда исходит этот свет. Седой ощутил чье-то присутствие, но еще не успел испугаться. Чернело окно, и на его фоне белела рама – половина креста. Темно-фиолетовые стены и потолок поблескивали, как будто были покрыты влагой. Во сне комната стала длиннее, превратилась в суживающийся коридор, а в конце коридора оказалось кресло, стоявшее в углу рядом с окном.

В кресле кто-то сидел – вначале Седой видел только неясный силуэт. Потом знание, не имевшее источника, разлилось внутри него подобно жидкому льду. Это была его мать, умершая восемь лет назад.

Он увидел ее ничего не выражавшее, желтое, сморщенное лицо. Такой она лежала в гробу, и такой он ее запомнил. Сейчас она была одета в черное, а на голову натянут островерхий капюшон, из-под которого выбивались пряди лилово-белых волос.

– Иди ко мне! – позвала мертвая женщина, и Седой подчинился, потому что попытка неподвижностью оказалась еще страшнее видения. Ее голос не был вибрацией воздуха – скорее атрибутом сна, призраком из той же самой подсознательной могилы.

Он поднялся с заскрипевшей кровати и сделал несколько шагов по направлению к креслу. Даже самые незначительные детали – запахи, предметы, звуки – были ужасающе реальны. Холодные грабли прогуливались по его внутренностям. Конечности цепенели, размягчались, превращались в податливую вату...

За три шага до кресла он остановился, потому что уже не мог двигаться.

«КУДА ТЫ ЗОВЕШЬ МЕНЯ, МАМА?!...»

Его нос уловил сладковатый запах смерти. В тусклых глазах матери не было ни ласки, ни сожаления, ни осуждения.

– Иди ко мне... – снова прошелестел бесплотный голос с невероятной и безнадежной мукой.

Седой моргнул. Слезы застилали глаза.

«ВО ЧТО ТЫ ИГРАЕШЬ СО МНОЙ, МАМА? МНЕ СЛИШКОМ ПЛОХО...»

Он потерял мать всего лишь на мгновение. Его веки сомкнулись, разомкнулись, и он тихо заскулил от животного страха.

Лицо сидевшего в кресле существа уже не было лицом его матери. Он увидел голову, рыхлую, как тесто, с глубокими провалами вместо глаз, зыбкой извилистой щелью рта и паутиной движущихся морщин – голову Лунного Человека. В детстве он называл его так, потому что лицо было круглым и мертвенно-белым, будто луна, но вовсе не по той причине, что на него падали лучи ночного светила...

– Пусти меня к себе, – попросил атавистический кошмар, и Седой не заметил, как отчаяние повалило его на пол и вернуло в позу зародыша. Он услышал частый глухой стук – это билась о линолеум его голова – и почувствовал вкус крови, но не боль.

Неясная фигура потянулась к нему из кресла, накрыв своей тенью. Что-то тщетно пыталось прорваться сквозь твердую скорлупу его ужаса и наконец ушло, оставив Седого в центре крика, расходящегося в темноте подобно кругам на воде...

* * *

Спустя неделю он, пошатываясь, возвращался домой. Наступила оттепель. Мелкий ледяной дождь поливал его лысеющую голову, но Седому было жарко. Кроме того, его мучило. Он выпил слишком много дешевого портвейна. Таким образом он пытался отметить избавление от картины и участие в выставке, что еще недавно казалось чудом. Это была его первая выставка, которую он ждал без надежды половину своей сорокалетней жизни.

Седой давно понял, что проиграл. Он смирился с вечной неустроенностью, безденежьем, одиночеством... Его мать умерла в больнице. У него не было денег и связей, чтобы отсрочить ее смерть. Задолго до этого их отношения безнадежно испортились. Мать не могла простить ему неудачи. Его картины были некоммерческими – слишком мрачными, слишком фантазмагорическими. Они не годились для офисов и контор; идеальным местом для них были бы убежища одиночек-мизантропов. Седой никому не говорил, что почти все свои картины видел во сне. Ему оставалось лишь воспроизвести их наяву, и он делал это с исключительной точностью...

Он продолжал работать даже тогда, когда работа оказалась совершенно бессмысленной. Живопись была единственным спасением от пустоты. В его квартире не было телевизора, почти не осталось мебели. Довольно часто он ложился спать голодным. Иногда он испытывал затруднения от того, что ему нечего было надеть. Он находился на самом дне...

Вдобавок ему часто снился один и тот же навязчивый и бессюжетный сон. Сон повторялся почти без изменений в течение многих лет по несколько раз в месяц и в конце концов довел Седого до иступления...

Он жил на окраине Салтовки – огромной городской ночлежки, сочетавшей в себе уродство урбанизации со всеми прелестями «совкового» быта. Этот тоскливый лабиринт невозможно было обойти за неделю. Грязно-белые дома выстроились длинными рядами надгробий; за светящимися окнами было иллюзорное тепло – на самом деле там гнездилась пустота.

Металлические конструкции во дворах выглядели как скелеты доисторических животных, вымытые дождем из вечной мерзлоты. Черные корявые пальцы чахлах деревьев, высаженных наспех и уже никогда не поднявшихся, торчали вдоль тротуаров. Подростки, собиравшиеся в подозрительные и опасные стайки, слушали гангста-рэп и хохотали, как гиены («ДАВАЙ ПОСПОРИМ, ЧТО Я ОТКЛЮЧУ ТЕБЯ, ДЯДЯ!»). Люди возвращались домой, чтобы спрятаться, но мало кто из них задумывался над этим.

У Седого все было наоборот. Теперь он боялся того места, где его настигали сны. Поэтому последние несколько суток он почти и не спал. Маленькие иголки вонзались в глазные яблоки, заставляя веки смыкаться. В голове сгушался тяжелый туман – непроницаемый и малоподвижный.

В подъезде было темно и пусто. Как всегда, обильно благоухал мусоропровод. Рядом с дверью лифта имелись надписи «SEPULTURA», «Fuck me, Gosha!» и «Голосуйте за коммунистов!», сделанные с помощью пульверизатора. Если бы Седой был трезв или чувствовал себя получше, он обратил бы внимание на то, что в подъезде стоит неестественно глубокая тишина. Не было слышно ни приглушенных голосов, ни звуков радио или телевизионных передач.

Сейчас ему больше всего хотелось подставить голову под струю холодной воды, а затем лечь. Он вошел в кабину лифта и начал возноситься в слабеющем сиянии светильника. При перегрузке Седому стало еще хуже; во рту появился горький привкус...

Вдруг лифт резко остановился на шестом этаже. Створки раздвинулись, и огромная бесплотная ладонь ужаса придавила Седого к пластиковой стенке.

На площадке стояла его мать, глядя в пустоту перед собой.

Пауза длилась несколько мгновений, но Седому они показались минутами. Потом мать вошла в кабину, двигаясь, как заведенная кукла, и кошмар опять был потрясающе правдоподобным.

В звенящей тишине и тошнотворно раскачивающемся ящике Седой протянул руку к той, которая была мертва уже восемь лет. Он прикоснулся к ее одежде, ощутил фактуру ткани, и это ощущение парализовало его.

«ЗАЧЕМ ТЫ ПРИХОДИШЬ, МАМА?»

Женщина безразлично смотрела на него; ее зрачки были совершенно неподвижны. Створки двери захлопнулись за ее спиной, и кабина без всяких причин стала подниматься вверх. Свет внутри нее почти померк.

Крупные капли пота катились по лицу Седого. Каждая из них казалась ему ледяным шариком, который он мечтал проглотить, чтобы как-то заполнить отвратительную пустоту, образовавшуюся на месте желудка. Ни с чем не сравнимый запах вползал в его ноздри, и Седой понял, что вот-вот его вывернет наизнанку. В голове не было мыслей, он даже не пытался искать объяснений этому жуткому молчанию.

Кабина остановилась на пятнадцатом этаже. Мать вышла на безлюдную, плохо освещенную площадку. Седой успел заметить, что за окнами на лестнице тоже не было света. Темная фигура стала оборачиваться, чтобы бросить на него последний взгляд...

Седой ощутил, что его штанина увлажняется. Лунный человек протягивал к нему руку – сияющую кисть без ногтей и складок, будто отлитую из мягкого фарфора. В его пустые глазницы могли провалиться два шарика для пинг-понга. Потом его облик начал растворяться в липкой смеси пота и слез, залепившей глаза Седого.

«ОСТАВЬ МЕНЯ В ПОКОЕ, ТВАРЬ!!!»

Голова с неразличимыми чертами осталась висеть над лестницей, как маленький призрак луны. Несмотря на потрясение, Седому все же показалось, что непонятная сила хотела предупредить его о чем-то. Или увести за собой...

Совершенно не понимая, что делает, он нажал кнопку шестнадцатого этажа. Закрывшиеся створки отделили его от кошмара, и через секунду кабина лифта зависла между этажами. Светильник погас. Седой почувствовал себя погребенным заживо.

Но угрожающая тишина длилась недолго. Раздался скребущий звук, и пол дрогнул под его ногами. Это не было саморазрушением конструкции под тяжестью человеческого тела. Кто-то или что-то выламывало пол снизу...

В полной темноте Седой увидел фосфоресцирующие пальцы, торчавшие из щели между полом и стенками кабины. Каждый из них был раза в три толще его собственных. Четырехпалая ладонь с треском отогнула угол, и Седой заскользил к краю.

Он знал, что стенки гладкие и бесполезно пытаться схватиться за что-либо. Ломая ногти, он задел панель и вспомнил о кнопке вызова диспетчера. Упираясь одной ногой в стенку, он дотянулся до панели и принялся нажимать ВСЕ кнопки, но так и не услышал шипящего фона. Вместо этого из динамика послышался уже знакомый ему голос и вполз в его уши вкрадчивым шепотом.

– Пусти меня... – попросила неопишуемая чернота, и Седой закричал, словно доведенный до отчаяния ребенок.

В это мгновение пол кабины провалился и рухнул в шахту глубиной около сорока метров. Вслед за ним сила тяжести неумолимо увлекла Седого. Его мокрые ладони заскользили по пластику, но были уже не в состоянии удержать налитое свинцом тело.

Отогнутый алюминиевый уголок разрезал пополам его лицо, выломал зубы и вырвал часть десны. Его крик захлебнулся после первого же удара о стену шахты. Звук падения оказался глухим и не соответствовал степени повреждения рваного кожаного мешка, наполненного кровью и поломанными костями, который когда-то был человеком.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

В промозглый февральский день Максим Голиков вышел из дому и потащил свое одиночество к центру города в поисках спасения от дикой скуки, превращавшей жизнь в довольно болезненный процесс. Была суббота, и это означало, что ему придется заполнить чем-нибудь несколько долгих часов, которые в будние дни он убивал на работе, общаясь с теми, кто был перемолот столь же беспощадно.

В голове еще бродили обрывки музыки. Тони Джо Уайт пел что-то вроде: «Я так устал от борьбы с собой...» Чувствуя радостную дрожь, пронзавшую его в унисон с гитарными рифами, Макс шагал по унылой харьковской улице под низким серым небом, поглядывал на встречаемых девочек и каждый раз решал сложную задачу: он выбирал ту, которая могла бы скрасить сегодняшний вечер, а может быть, и ночь. До сих пор результат его экспериментов всегда был разочаровывающим.

Бродячий пес какое-то время бежал рядом с Максом, помахивая хвостом, – видимо, признал в нем своего, но, скорее всего, просто хотел жрать. Впрочем, не сопровождал же он толстую бабу, тащившую в сумках горы розово-лиловой колбасной плоти...

Грачи рассадили на голых мокрых ветвях свои черные блестящие тушки с великолепными клювами, неизменно восхищавшими Макса. Он всегда считал, что с таким шестисантиметровым оружием убийства у них не должно быть проблем с питанием.

Впереди по тающим сугробам пробиралось в гости счастливое стандартное семейство: он в спортивном костюме, кожаной куртке, норковой шапке – и его не менее оригинально одетая жена с огромным букетом роз в целлофановом саркофаге. Пятилетний отпрыск путался у предков под ногами, настойчиво бубня что-то о новом «картиже» для «Денди». Было видно, что про себя папа посылает его куда-то очень далеко отсюда, но открывать рот, похоже, уже устал. В общем и целом аура семейства была настолько серой, что Макс поспешил обогнать их, и этот маневр стоил ему мокрого пятна на штанине его пятисот первого «левиса». Тихо ругаясь матом, он приближался к входу в метро.

«...ТЕМНЫЙ ЗЕВ ПОДЗЕМНОГО ТРАНСПОРТНОГО БОГА!
СКОЛЬКО РАЗ ТЫ ГЛОТАЛ МЕНЯ, ИЗВЕРГАЛ ОБРАТНО И СКОЛЬКО
РАЗ ЕЩЕ ПРОГЛОТИШЬ? ПОЧЕМУ Я ТАК ДОВЕРЯЮ ТЕБЕ? ПОЧЕМУ
ДАЖЕ ЛЕГКИЙ ХОЛОДОК НЕ ПРОБЕГАЕТ ПО МОЕЙ СПИНЕ,
КОГДА Я БЕСПЕЧНО СПУСКАЮСЬ В ТВОИ ДЛИННЫЕ СВОДЧАТЫЕ
МОГИЛЫ?..»

Голиков прошел вдоль цепи лотков в переходе, мимо трех нищих, одного безногого, продавца хлеба, столика с эротическими и экстремистскими журналами, киоска звукозаписи, пункта обмена валюты, двух трогательно расстающихся гомосексуалистов...

Отдав жетон автомату, он спустился на платформу и стал прогуливаться по ней в ожидании поезда, не забывая поглядывать на молодых женщин. Его безоблачную скуку нарушало только воспоминание о сновидении, посетившем Макса минувшей ночью. Оно составляло резкий контраст с обыденной жизнью, и, может быть, поэтому он помнил о нем так долго...

Из туннеля с гулом вырвался поезд, обдав его мертвым ветром. Максим вошел в полупустой вагон и сел так, чтобы видеть свое отражение в стекле. Он увидел лицо тридцатилетнего человека со впалыми щеками, трехдневной щетиной, глубоко посаженными серыми глазами и длинными волосами, в которых блестели капли воды. Подмигнув самому себе, он оглядел вагон и, не заметив ничего достойного внимания, снова уставился на черно-серую зыбь за окном.

Через несколько секунд беспорядочного блуждания его мысли обратились к Элиоту. Он пытался полностью вспомнить фразу: «...в метро, когда поезд стоит между станций... и ты

видишь, как опустошаются лица, и нарастает страх оттого, что не о чем думать...¹». Его страх нарастал даже тогда, когда поезд двигался. Секунды исчезали, словно песок, просыпающийся между пальцев, и Макс вдруг показалось, что поезд, утончаясь, вонзается в сужающуюся черную нору, пока вагоны и все находящиеся в них не превращаются в ничто...

Справа надвинулась новая декорация – станция, на которой совершался обмен живым товаром. Снова суставчатая игла заскользила, вдеваясь в бесконечное игольное ушко, чтобы ненадолго отдохнуть на свету. Весь цикл повторился несколько раз, прежде чем Макс вышел на станции пересадки.

Здесь, двигаясь в толпе по узким и низким переходам, в которых только идиот не испытал бы рано или поздно острого приступа клаустрофобии, он увидел женщину, сидевшую прямо на полу. Рядом с нею стояла старая детская коляска. В коляске лежал ребенок, закутанный в теплое тряпье, так что открытыми оставались только глаза. В его ногах валялось несколько мелких купюр, усеянных нулями.

Макс пошевелил пальцами в кармане своей куртки. Бумажки, извлеченной на свет, не хватило бы и на полбуханки хлеба. Людской поток нес его прямо к нищей. В какой-то момент Макс оказался ближе других к коляске и протянул руку, чтобы бросить в нее купюру. Одновременно он встретился взглядом с ребенком, который смотрел вверх, на низко нависший потолок, и это заставило его вздрогнуть. Дело в том, что глаза ребенка были совершенно черными, без признаков белка в уголках; они хитро поблескивали из-под сморщенных полуприкрытых век, и это был искушенный циничный взгляд взрослого человека...

Взаимное созерцание заняло не более секунды, после чего толпа увлекла Макса с собой. Но воспоминание о взгляде существа из коляски осталось – неотвязное и липкое, как пленка, намотанная на слишком податливый комок мозга.

Давление человеческой массы было не таким уж непреодолимым; при желании Максим мог бы вернуться и еще раз заглянуть в коляску, однако именно этого ему хотелось меньше всего. Отвращение – как первая защитная реакция – толкало его прочь; усталое сознание лихорадочно и безуспешно подыскивало рациональное объяснение: нелепый фокус, маска, лицо карлика, желание вызвать жалость, просто игра света и тени – любой из вариантов устраивал Макса, но противный холодок не переставал блуждать где-то между затылком и основанием позвоночного столба.

Мертвящий взгляд из коляски давно исчез, смытый новыми картинками реальности, однако после него осталось омерзительное ощущение сродни тому, которое вызывает ноготь, скребущий по ткани.

* * *

Эта неприятная мимолетная встреча была первым звеном в длинной цепи странных и необъяснимых явлений. Впрочем, Голиков был не настолько чувствителен, чтобы отметить подобную мелочь. Эскалатор вынес его, все еще скучающего, наружу, а ноги понесли вверх по улице. Через двести метров он остановился возле дома, в котором размещалась частная художественная галерея.

Афиша на стене возвещала о выставке-продаже картин местных молодых художников из группы «Сновидение». В существовании такой группы Макс сомневался; скорее всего, художников формально объединили по неизвестному признаку. Название группы оказалось магическим ключом, который установил некое соответствие и подал сигнал о тревожном и даже пугающем событии.

¹ Из стихотворения Т.С.Элиота «Ист Коукер» (перевод Андрея Сергеева).

Никогда раньше и, вероятно, никогда позже Голиков не переступил бы порог галереи, но в тот день он вошел и почти сразу же увидел ТУ САМУЮ картину.

Он почувствовал легкую дурноту и не знал, радоваться ему или огорчаться. На смену растворяющейся скуке медленно, как туман, заполняющий глубокую долину, опускалось нечто худшее...

Картина изображала то, что он видел во сне минувшей ночью. Не пейзаж, но и не существо. Возможно, остров, если называть островом устойчивый и вместе с тем таинственный образ посреди зыбкого вихря ощущений и мыслишек. Макс не стал бы утверждать, что узнал какие-либо конкретные детали, – на картине их не было, а размытые пятна выглядели слишком неопределенными, – неотразимо точным оказалось общее гнетущее впечатление, не лишенное эдакой черной романтики; он снова услышал зов загадочного места, почуял влекущий запах запретного, испытал страх перед немыслимым отчуждением...

Голиков заставил себя опустить взгляд и прочел на прямоугольной табличке под картиной:

Игорь Седой
СЕЗОН БЕССОННИЦЫ

Макс решил, что «Седой» – это наверняка псевдоним. Предчувствие подсказывало ему, что самым простым и, пожалуй, безопасным выходом было бы немедленно уйти и забыть о странном влиянии картины. Он привык доверять своим предчувствиям. Однажды это спасло его от смерти в авиационной катастрофе.

Но сейчас какое-то извращенное любопытство удерживало его в галерее.

Не первый раз он ввязывался в нехорошую историю, зная, что будет еще хуже; в частности, это относилось к романам с замужними женщинами, завершавшимся довольно болезненно для всех трех вершин треугольника. Теперь же, словно очень низкий звук, в нем вибрировал глубокий страх, который не нуждался в объяснимой причине...

Завидев даму, одетую не по сезону и явно принадлежавшую к персоналу галереи, Макс направился прямо к ней и спросил, где может встретиться с одним из художников. При этом его взгляд перебегал с большого серебряного креста на ее плоской груди, инкрустированного перламутром, на тонкий злой рот. По правде говоря, крест выглядел куда привлекательнее всего остального...

Сверкнув наманикюренными ногтями, покровительница искусств показала Максиму небольшую группу разношерстных лиц и доверительно сообщила, что это и есть выставляющиеся художники.

Преодолевая врожденную стеснительность и нежелание попасть в предполагаемое дурацкое положение, Максим приблизился к тесному кругу беседующих. Все это – ненавязчивая демонстрация своей исключительности, ленивый смех, богемные шмотки, хипповые фенечки, нечесанные бороды и едва уловимый запах травки – было ему знакомо, и все это успело смертельно надоест. Он выбрал девушку в больших очках, некрасивое, но самоуверенное существо, сублимировавшее в творчество нерастратенную сексуальную энергию, и вполголоса обратился к ней:

– Прошу прощения, я могу с вами поговорить?

– Пожалуйста. – Она пожала плечами с деланным равнодушием. В ее правой руке обнаружилась сигарета, которую она нервно разминала пальцами.

Он отвел ее в сторону и спросил:

– Вы знаете Игоря Седого?

Теперь Макс обнаружил еще кое-что, а именно красные воспаленные глаза за стеклами очков. Ему показалось, что девушка на несколько секунд затаила дыхание. Он неправильно истолковал ее молчание и начал на ходу придумывать легенду.

– Понимаете, я его школьный друг. Случайно зашел сюда – и вот... Не видел Игоря десять лет.

С возрастом можно было промахнуться, но девушка вряд ли обратила внимание на такую мелочь. В следующую секунду до него дошло, что случилось нечто непоправимое. С каким-то раздражающим трагизмом она прошептала:

– Он умер вчера. Погиб. Извините...

Она поспешно вернулась в свой спасительный круг, отгородившись от незнакомца завесой сигаретного дыма и корпоративного духа.

Макс выдохнул сквозь стиснутые зубы и медленно двинулся к выходу. По пути его взгляд невольно снова упал на картину. Теперь она показалась ему еще более мрачной. В ней содержалось зашифрованное в неуловимых зрительных образах послание с того света, предсказание мертвеца, завещание и обещание...

Макс посмотрел на табличку с ценой. Что-то около сорока долларов. У него не было при себе такой суммы. Он вышел на улицу и с некоторым облегчением окунулся во влажный холодный воздух.

Голиков никогда не считал себя суеверным психом. Тем не менее он знал, что вернется за картиной в ближайшее время.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Книжный червь по имени Виктор Строков выполз из главного офиса харьковского издательства «Фiona» и направился к трамвайной остановке. Он был потрясен не столько тем, что держал в руках книгу со своей фамилией на обложке, сколько тяжестью, которая обрушилась на него. И все благодаря человеку, умершему примерно восемьдесят лет назад. Однако Строков не сбрасывал со счетов и собственную изобретательность.

* * *

До сих пор он жил переводами брошюр на модные оккультные темы и мистических трактатов. Волна интереса к такого рода литературе начала спадать, и ему пришлось «опуститься» до детективов, эротических триллеров и описаний программных пакетов. В провинциальном городе, пусть даже и большом, это не приносило желаемого результата. Работа была эпизодической и к тому же часто оказывалась бессмысленной: опережали конкуренты, он тратил время впустую.

Однако пару месяцев назад Строков наткнулся на настоящее сокровище. Он так и не смог бы объяснить, что заставило его зайти в двухэтажный дореволюционный дом по улице Клочковской, который предназначался под снос. Может быть, вполне понятный интерес ко всему уходящему безвозвратно.

Жильцов уже выселили. Пробираясь через груды битого кирпича, Виктор поглядывал на ослепшие окна и думал о том, что помнили эти стены. Вместе с их исчезновением неизбежно должна была умереть память...

В старом деревянном сундуке, забытом в одной из комнат, он нашел книги, наполовину съеденные крысами. Здесь были издания текущего столетия – от опусов вождей революции до перевязанных веревками номеров журнала «Вокруг света» за шестидесятые годы. Внутри этой груды хлама Строков и отыскал свой бриллиант. Это была толстая книга, отпечатанная в Харькове в 1902 году. Последняя ее четверть отсутствовала, часть страниц оказалась безнадежно испорчена сыростью.

Увидев масонские знаки, замаскированные в иллюстрациях, Строков был заинтригован. Раньше он слышал кое-что о харьковской ложе «Умирающий сфинкс», но его сведения были скудными и разрозненными. Насколько Виктор мог судить, теперь он держал в руках книгу одного из «усыпленных» масонов. На титульном листе значилось:

Яков Чинский
ГРАФОЛОГИЯ
ЭЗОТЕРИЧЕСКОЕ УЧЕНИЕ АГРИППЫ
ПУТЕВОДИТЕЛЬ ПО ЦАРСТВУ СНОВ

Собрание этих трех работ под одной обложкой показалось Строкову странным, если не сказать – парадоксальным. Их объединяло только имя автора. Позже, роясь в архивах самой большой городской библиотеки, Виктор раздобыл кое-какой материал еще об одном Чинском – на этот раз Чеславе – тоже, по-видимому, масоне, австрийце по происхождению, который жил в Петербурге и, похоже, никогда не приезжал в Харьков. Самое загадочное заключалось в том, что среди работ Чеслава Чинского также значилась брошюра «Графология», изданная в 1910 году, но Строков не нашел никакого упоминания об «Учении Агриппы» или «Путеводителе», а также о судьбах Якова и Чеслава.

Его небольшое расследование оказалось безрезультатным. В конце концов он наткнулся на непробиваемую стену спецхрана и был вынужден отступить. Однако у него появилось время и повод для изучения самой книги.

Понимая, что из «Графологии» и «Эзотерического учения Агриппы» можно было извлечь только нематериальную выгоду, он принялся за «Путеводитель», решив вначале, что обнаружил некое подобие обширного и подробного сонника. И тут Строков был сражен напо-вал.

«Путеводитель» оказался детальнейшим и глубочайшим исследованием сна, различных пограничных состояний сознания и всевозможных символов сновидений, причем с совершенно неожиданной точки зрения. Текст зачаровывал, словно волшебная сказка, и пугал, как темный лабиринт. Чинскому удалось нащупать нечто очень цельное и одновременно очень зыбкое, мерцавшее на границе рационального знания и интуиции; более того – ему удалось изложить это так, что разрозненные впечатления Строкова начали постепенно складываться в некую многообещающую систему, которая могла стать ключом к разгадке кажущихся случайностей...

И все же его ожидало разочарование. Последняя часть книги, вобравшая в себя квинтэссенцию мистического опыта Чинского (возможно, позаимствованного из более раннего источника) была уничтожена. Строков почувствовал себя в положении человека, преодолевшего сложнейшие препятствия на пути к цели и очутившегося перед наглухо замурованной дверью за два шага до нее.

С того момента неясная тревога уже не оставляла его. Все попытки найти полный экземпляр книги Чинского оказались тщетными. Самое удивительное, что никто даже не слышал о ней. Спустя две недели Строкова стали посещать легко узнаваемые сны, упомянутые в «Путеводителе». Среди них не было ни одного приятного или хотя бы нейтрального.

Мучительная незыблемость тайны изводила Виктора сильнее, чем он мог предположить. Он привык к ночным кошмарам и попал в зависимость от чего-то неопишуемого. Оно пробило в нем дыру, сквозь которую хлынула чернота и похоть, подавляемая в течение двадцати с лишним лет. Время его жизни разделилось пополам между явью и сном, но открывшаяся ему сумеречная реальность потрясала куда сильнее всего, что он знал до сих пор.

Скучными серыми днями он снова и снова погружался в изучение завораживающей последовательности своих видений, беззвучных голосов ОТТУДА, жестов призрачных любовниц – однако отсутствующая часть мозаики превращала его в слепца, вызвавшегося быть поводом таких же слепцов.

* * *

Строков вошел в свою квартиру, которую он делил с четырьмя тысячами книг, и осторожно положил на стол еще одну – свежееотпечатанную, гладкую, еще пахнущую клеем и краской. На обложке стояла его фамилия. Ветхозаветное «царство» он отбросил, оставив для названия три слова: «Путеводитель по снам».

Строков рассчитывал на коммерческий успех. Для бесхитростных читателей Виктор сделал более или менее полную компиляцию всевозможных сонников, суеверной, но увлекательной чепухи, для более искушенных – немного разбавил текст Юнгом, Фрейдом и Успенским. Однако тайное сердце книги Чинского, ее глубинный пласт он оставил неизменными. У Строкова хватило невежества сохранить осколки, но не хватило времени и силы, чтобы соединить их.

И все же нечистая совесть омрачала его сомнительный триумф. Он вытащил из кармана несколько сто долларовых бумажек и выложил из них прямоугольную рамку для книги...

Что-то было не так, и Строков не мог понять, что именно. Он хотел быть всего лишь хранителем, но стал преступником. Никто не мог уличить его... за исключением того свидетеля, который притаился в темноте за сомкнутыми веками... Он ощутил страх и тут же испугался иррациональности этого страха.

«ЧТО ТАКОЕ Я ИЗВЛЕК НА СВЕТ?..»

Он нашел в холодильнике полбутылки водки и наполнил большой бокал для вина. После второго бокала Виктор почувствовал приятное расслабление и голод. Банку рыбных консервов ему пришлось вскрыть длинным мясным ножом – консервный подевался куда-то.

Строков включил телевизор и повалился на диван, прихлебывая из горлышка. На экране герои какой-то мелодрамы клялись друг другу в вечной любви, и некоторое время Виктор прислушивался к их словам с кривой улыбкой. Потом голоса стали отдаляться, и вскоре люди разевали рты в полной тишине. Зато в нижней части экрана появились непристойные титры, комментировавшие происходящее. Как-то очень отвлеченно Строков подумал, что этого не может быть, но подобная мысль совершенно не повлияла на иллюзию.

Сменились персонажи, и фильм стал порнографическим. Два молодых прыщавых панка занимались любовью с шестидесятилетней проституткой, подвергая ее всевозможным истязаниям и унижениям. Зрелище было чрезвычайно омерзительным, и Виктор не смог снова прилечь к горлышку. Он понимал, что подсознание сыграло с ним плохую шутку, но еще не отдавал себе отчет в том, до какой степени она плоха...

Усталость и принятая доза алкоголя докончили его. Строков никогда не отличался хорошим здоровьем. Всю свою молодость он вдыхал затхлый воздух библиотек или своей затворнической квартиры. Его сексуальный опыт был крайне ограниченным и неудачным, зато Строков любил предаваться эротическим фантазиям. Тощий, узкоплечий, он быстро растрачивал силы и начинал задыхаться уже после пяти минут быстрой ходьбы...

Сейчас он часто дышал от страха и растерянности. Вся комната наполнилась голубым экранным мерцанием. Сквозь это мерцание прорвались ржавые звуки и раздавили Виктора, как каток. Лемми Килмистер пел свою «Die You, Bastard!», но Строков не подозревал об этом, потому что никогда не слушал рок-музыки.

Два голых подростка появились из-за голубой пелены. Они были вооружены опасными бритвами. Один из них тащил за собой на поводке старую шлюху, на которую был надет только черный кожаный ошейник со стальными заклепками. Она была почти задушена, глаза вылезли из орбит, синий язык вывалился изо рта.

Строков дернулся так, что душа едва не выскочила из тела, но при этом само тело осталось неподвижным и неосязаемым. Отвратительный синдром сна, когда не можешь заставить себя пошевелиться, несмотря на грозящую опасность, проявился в полной мере. Виктор завис в плотном вязком киселе и был не в силах даже поднять руку.

Несколькими быстрыми уверенными ударами подростки перекроили его одежду, не слишком заботясь о целостности кожи, и раздели Строкова догола. К своему удивлению, при этом он ощутил только легкое покалывание, как при бритье. Затем панки натравили на него проститутку, передвигавшуюся на четвереньках. Липкие ладони легли на его ноги и поползли выше...

Строков потерял представление о времени. Он чувствовал себя так, будто его целиком заглатывал огромный моллюск. Рыхлая плоть обволакивала, словно студень. Неправдоподобно большие мясистые губы целовали и возбуждали его, но под ними пряталось что-то твердое и ледяное.

Когда женщина подняла голову, он увидел налитые кровью глаза и лезвие ножа, которое вибрировало между обломками ее зубов. Он понял, что глаза были просто двумя красными стеклянными шариками, вставленными в пустые глазницы. Дряхлые обвисшие груди коснулись его живота, и он оцепенел, покрывшись «гусиной кожей».

Кошмарная любовница «Лезвие Вместо Языка» медленно подбиралась к сморщенному предмету, воплощавшему в себе его мужское достоинство... Песня группы «Motorhead» повторялась уже в третий или четвертый раз; ее звуки утюжили нетренированные мозги Строкова почище общеизвестного приспособления из чугуна. Подростки, усеянные юношескими прыщами, вертелись вокруг и пускали кровь из его конечностей. Оба находились в стадии гипервозбуждения, и результаты этого не замедлили сказаться. Вскоре все тело Виктора было покрыто розоватой с разводами смесью спермы и крови, а также лохмотьями консервированной рыбы.

Время от времени оба малолетних урода со сладострастными стонами впивались в него гнилыми зубами, но он по-прежнему не чувствовал боли – даже тогда, когда видел вырванные куски собственного мяса... Зато страх перед утратой мужского естества был ослепляющим, как будто воплотил в себе скрытую и назойливую фобию миллионов мужчин. Этот страх не позволил Строкову ухватиться за руку помощи, протянутую из неизведанного пространства.

Лицо одного из подростков вдруг раздулось, глаза провалились внутрь головы и, сверкнув, исчезли во мраке, рот превратился в узкую щель от уха до уха, волосы выпали, и на их месте вспучился бугристый рельеф. Новое лицо было ядовито-желтым и испускало болезненный свет.

Монстр поманил к себе Строкова жестом, который был истолкован Виктором как предложение соития.

– ЛУЧШЕ Я ДОСМОТРЮ ЭТОТ СОН!!! – закричала худшая и глупейшая его часть, не зная, что в любом случае ему придется досмотреть сон до конца.

Луноподобная голова съежилась, и на узком мальчишеском лице снова заиграла хищная изломанная улыбка. Слепая женщина «облизнула» лезвием свои губы, отчего две тонкие струйки крови потекли из уголков ее рта. Она стала похожа на куклу с отпадающей нижней челюстью, что не помешало ей сделать два тонких разреза у Виктора в паху. Теперь ужас прорвался сквозь резиновую стену его бесчувственности и выжал из Строкова крик, тут же растоптанный шумными ребятами мистера Килмистера.

После этого «Лезвие Вместо Языка» действовала с бесстрастной, почти хирургической точностью...

ГЛАВА ПЯТАЯ

Когда беглецу удалось завладеть осколком Календаря, у него появилась надежда уцелеть. Осколок был сектором безграничного круга (геометрия сумеречного мира оставалась непостижимой даже для обитавших здесь существ), лабиринтом с неограниченным количеством входов и выходов; кроме того, беглец отыскал в нем пятерых союзников. Союзники оказались весьма уязвимыми, а продолжительность их жизни – до смешного малой, но это было лучше, чем ничего. Беглец безуспешно пытался связаться с тремя из них. Двоих, наиболее восприимчивых, он приберегал на самый крайний случай.

То, что все пятеро находились в одном секторе, означало, что их разделяет небольшое расстояние и по другую сторону снов. Но герцог был сильным и изощренным врагом. Теперь союзников осталось только трое. Те, которым пришлось умереть, похоже, не догадывались о причине своих несчастий вплоть до самого конца...

Беглец продолжал странствовать с теплым течением. Его энергия не была пассивной. Он искал Календарь Снов – источник волшебства, место покоя, ключ к миллиону убежищ, причину жизни и причину смерти. Герцог опережал его и, скорее всего, уже завладел большей частью Календаря. Это не пугало беглеца. Его вообще ничего не пугало. Страх могли внушить только иллюзии, а у него не было иллюзий. Тонкая завеса в одну триллионную долю секунды постоянно отделяла его от небытия.

Это означало, что только герцог понимал существование лучше своей жертвы.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Восьмилетний Саша Киреев был отгорожен от мира тройной стеной своей глухоты, немоты и слепоты. В трехлетнем возрасте он вместе со своими родителями попал в автомобильную аварию. Тяжелый грузовик врезался сзади в затормозившую на перекрестке легковую машину. Отец и мать, сидевшие впереди, отделались переломами конечностей и порезами на лицах, а для Саши, который спал на заднем сиденье, сильный удар головой оказался роковым.

О времени до аварии у него не осталось воспоминаний. Поэтому обо всем внешнем он имел самое приблизительное представление. Окружающая обстановка, с точки зрения обыкновенного человека, была знакома ему не лучше, чем венерианский ландшафт – незрячему младенцу. Такими же непривычными и непонятными казались ему люди, их действия, мотивы, чувства и проявления этих чувств.

Только родители были чуть ближе остальных – странные, бесформенные существа, пахнувшие по-особенному и касавшиеся его своими руками. Они пытались познакомить его с миром хотя бы на уровне ощущений, и их отношение к нему было пронизано бесконечными жалостью и состраданием, но они не могли предположить, что ребенок не нуждается в их дурацком просвещении.

У него был дар путешествовать внутри тесной темной коробочки черепа, продырявленного сверлом нейрохирурга, исследовать незапятнанную душу, пребывавшую практически в полной изоляции от цивилизации и навязываемых ею стереотипов. Скитаясь во снах и видениях, не имевших ничего общего со зрением, он неосознанно и без всякого восторга посещал пространства, на достижение которых некоторые мистики тратили половину своей жизни, а то и всю жизнь. Он знал все самые жуткие и самые светлые области своего подсознания, но не сумел бы мысленно сказать об этом и двух слов.

За четыре года, прошедших после злополучной аварии, в нем выработалась потрясающая чувствительность к постороннему присутствию. Он имел совершенно точные сведения о наличии живых существ в радиусе пятидесяти метров от своей головы. Ночью он мог различить кошку, крадущуюся в подвале соседнего дома, хотя не представлял себе ее настоящего облика.

В зависимости от фазы Луны его чувствительность испытывала приливы и отливы, но никогда не исчезала полностью. Тени нездешних существ не давали ему пережить предельное отчаяние наедине с самим собой. Стены были для него прозрачны, а воздух – мертв и черен, как межзвездная пустота. Он знал, кого следует бояться по-настоящему, кто остается нейтральным, а кого нужно использовать, двигаясь в сновидении совместно. Еще он абсолютно точно знал, что в решающий момент ему никто не поможет...

Таким образом, восьмилетний человеческий ребенок, которому пытались навязать азбуку Брайля и сознание собственной ущербности, вероятно, был самым странным и самым свободным существом в двухмиллионном городе. Только возраст и отсутствие обратной связи с миром взрослых спасали его от отдельной палаты в психушке и от мозговых вивисекторов в белых халатах.

* * *

Саша сидел в кресле у окна и вдыхал запахи ранней весны. Для него весна означала нечто другое, чем для большинства людей. Он ощущал зарождение жизни по ту сторону природы. Родители ушли куда-то; он был один в квартире, хотя и знал, где находится сейчас каждый из соседей.

Вдруг он вздрогнул и сжал кулачками бритую голову. Он почувствовал близость врага – настоящего, жуткого врага, твари из хорошо знакомого ему иного мира, пришедшей в этот

мир, чтобы охотиться и убивать. Появился тот, о ком шептали призраки на перекрестках сновидений...

Герцог со своими слугами проехал мимо дома в металлическом экипаже – почти таком же, который стал причиной Сашиной изоляции. Значит, у них в этом городе были союзники, и кто-то впустил их в свои сны.

«ГЕРЦОГ ИСКАЛ КОГО-ТО, НО ЕЩЕ НЕ МЕНЯ...»

У него пересохло в горле. Саша испытывал боль от этого внезапного кратковременного сближения с врагом... Он ощутил резь в слепых глазах... Рябь возникла на поверхности никому не видимого зеркала...

Что-то нужно будет сделать, но он еще не знал – что именно. Даже выйти одному из квартиры на улицу было для него почти невыносимо. И все-таки он понимал, что когда-нибудь ему придется отправиться в путешествие более опасное и безнадежное, чем любая авантюра, предпринятая взрослым и зрячим человеком. Его детская душа трепетала от дурных предчувствий. Свежий ветер весны принес с собой перемены к худшему...

Саше было очень трудно сохранить хладнокровие; свою недетскую силу и расчетливость он почерпнул не здесь. Безошибочно огибая предметы обстановки, он отправился на кухню, открыл холодильник и заставил себя есть, хотя желудок сводили спазмы страха. Он должен был продержаться как можно дольше, а хилое тело могло подвести его... Он поднес пальцы к своим векам и коснулся маленьких капель слез. Потом вернулся в комнату и приготовил себе теплую одежду.

С этого момента он был полностью готов к бегству.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Голиков возвращался с рэйвовой тусовки в ночном клубе «Меридиан», на которую его затащила одна знакомая тележурналистка. Голова раскалывалась от усталости, техно-ритмов и огромного количества поглощенного спиртного. По правде говоря, она раскалывалась в течение последних пяти часов. Макс понимал, что уже стар для подобных развлечений. Ему пришлось много пить именно потому, что он не мог танцевать столько, сколько танцевали окружавшие его восемнадцатилетние девочки и мальчики. Он чувствовал себя не в своей тарелке, с тоской вспоминал старые застойные дебоши в «Театральном», и только извращенное понятие долга по отношению к своей подруге удерживало его в клубе до конца. К тому же он любил совсем другую музыку.

Избавившись от журналистки, к которой питал чисто платонические чувства, он отправился домой. Улицами завладела мартовская сырость. Начинался очередной серенький день. Алкоголь быстро выветривался. Ветер неприятно облизывал шею и запястья. Утренняя вялость еще витала в воздухе, когда Максим спускался в метро. Искусственный свет превращал время суток в условное понятие, и Голикову показалось, что по-прежнему стоит глубокая ночь.

Лоточники в подземном переходе начинали раскладывать свой товар. Макс задержался возле книжного лотка и стал высматривать себе книгу, чтобы скоротать воскресенье. Поколебавшись между «Дьяволом в раю» Генри Миллера, «Бегом на юг» МакКаммона и журналом «Забриски Райдер», он занялся изучением правой стороны лотка, отданной оккультной литературе.

Не было ничего удивительного в том, что он зацепился взглядом за название «Путеводитель по снам». К тому времени его сновидения сделались настолько яркими и насыщенными, что Макс начинал сомневаться в своем психическом здоровье... Хмель вдруг окончательно улетучился куда-то, и Голиков почувствовал себя отвратительно трезвым и замерзшим.

Он взял книгу в руки, и ему пришлось преодолеть себя, чтобы открыть ее. Он сразу наткнулся на поразивший его образ из позавчерашнего сна. Это совпадение Макс уже не мог пропустить, несмотря на свою беспечность. Он перелистал несколько страниц, тут и там обнаруживая знаки, будто специально оставленные тем, кто прошел по этой дороге чуть раньше.

Книга излучала то же самое, что и картина мертвого художника, – ту же растерянность заблудившихся, ту же безнадежность, тот же страх. И все-таки она могла помочь – Голиков чувствовал это, хотя еще не знал точно, в чем будет заключаться помощь некоего Строкова.

Расплатившись с продавцом, Макс спустился на перрон, держа «Путеводитель» у бедра. Библейски черная обложка книги и траурное лицо Голикова делали его похожим на миссионера, отправлявшегося в деревню прокаженных. На самом деле он дрожал от нетерпения и остановился слишком близко от края платформы. Три женщины болтали о чем-то за его спиной. Послышался гул приближающегося поезда, и ветер подул из черной норы туннеля...

«МУЖЧИНА! ОТОЙДИТЕ ОТ КРАЯ ПЛАТФОРМЫ!»

В другое время Максим отметил бы дурацкую привычку постсоветских людей называть друг друга по половому признаку, но сейчас он даже не обратил внимания на окрик дежурной по станции. Сквозь нарастающий шум до него доносились веселые голоса женщин. Те щебетали о помаде.

До головного вагона оставалось метров пятьдесят, и расстояние стремительно сокращалось. Тридцать метров, двадцать, десять... Кто-то обдал затылок Макса ледяным дыханием. Он почувствовал легкий толчок в спину, но этого было достаточно, чтобы он потерял равновесие и начал падать вперед.

**«ПРЕКРАСНО! Я – ТУПОЙ, РАССЛАБЛЕННЫЙ БОЛВАН,
КОТОРЫЙ ПОЗВОЛИЛ ТОЛКНУТЬ СЕБЯ ПОД ПОЕЗД!»**

Падая, Голиков стал поворачивать голову, чтобы увидеть скотину, отправившую его на тот свет. Восприятие приобрело исключительную, потрясающую остроту. В памяти отпечатались мельчайшие подробности происходящего.

Он хорошо различал искаженное стрессом лицо машиниста, застывшее прежде, чем тот применил экстренное торможение. Для Макса время почти остановилось. Падающее тело медленно изменяло угол наклона, словно стрелка, ползущая по невидимому циферблату. Его и поезд разделяло всего около трех метров...

Когда угол достиг примерно сорока пяти градусов, Макс увидел лица женщин, оказавшихся очень близко от него. Он ни на мгновение не усомнился в том, что все трое представляют собой отлично выполненные человеческие муляжи. Их глаза были сплошными черными шариками, которые блестели на свету совсем как у того ребенка в коляске. Существо, стоявшее посередине, ласково улыбалось приговоренному.

Оставалось два метра до орудия казни.

Макс вдруг осознал, что его пальцы намертво вцепились в книгу.

**«ПОЧЕМУ ВСЕ ЗАКОНЧИЛОСЬ ИМЕННО ТАК?! Я ВИДЕЛ ВО СНЕ
СОВСЕМ ДРУГУЮ СМЕРТЬ!»**

И кто-то ответил ему. Кто-то отозвался и стремительно двигался навстречу из потусторонней темноты, опережая земное время.

«ЭТО ЕЩЕ НЕ СМЕРТЬ!.. ЕЩЕ НЕ СМЕРТЬ... НЕ СМЕРТЬ...»

Макс ощутил, как ноги наливаются тяжестью, будто вся масса тела внезапно перетекла в ботинки, – неестественной тяжестью, удержавшей его на платформе.

Лицо женщины, которая стояла справа, чудовищно исказилось. Метаморфоза была мгновенной и почти неуловимой. Просто в пространстве над ее плечами возник бугристый лик, сочившийся мертвенно-желтым светом, – луна из сновидений, лицо кошмара, воплощение демона, первопричина содроганий. В жерлах двух глазниц-кратеров дымилась тьма. Безгубый и беззубый рот прошептал что-то неразличимое из-за низкого скрежета тормозящего поезда.

До крашеной металлической поверхности оставалось всего полтора метра. Новое существо протянуло Максу свою нечеловечески длинную руку и сделало это нечеловечески быстро.

Невероятно, но Голиков в своем остановившемся времени еще раздумывал, хвататься ли за эту жуткую спасительную руку. Гладкие пальцы без костей и ногтей извивались перед ним, как будто приглашали обреченного сыграть в еще более страшную игру, чем собственная смерть...

Макс отдавал себе отчет в том, что балансирует на грани могилы и неизвестности. Жутчайшее предчувствие того, что неизвестность может оказаться хуже могилы, задерживало его на микросекунды, не регистрируемые никем, кроме него.

«БЫСТРЕЕ, ТВАРЬ, ИНАЧЕ МНЕ ТЕБЯ НЕ ВЕРНУТЬ!»

Он схватил руку, состоявшую из светящегося роя льдинок, и ощутил сильнейшее помутнение, как будто сердце безуспешно пыталось протолкнуть по жилам перегной вместо крови. Что-то сильно рвануло его на себя, и он стал бесформенным жидким облаком, перетекающим в новое тело сквозь трубу, пульсирующую в бешеном ритме...

Спустя мгновение он снова стоял на платформе. Реальность обрушилась на него, как фильм с экрана включенного телевизора. В этом фильме были: истошный женский визг, сплавленный со скрежетом металла; жестокий удар по телу, встретившему вагон на высоте лобового

стекла; хруст перемалываемых колесами костей; тень зеркала заднего вида, промелькнувшая у виска; цепящая аура смерти, разлившаяся на месте чьей-то гибели черной лужей...

«ЧЬЕЙ ГИБЕЛИ?!»

Рядом с Максом стояли две женщины, кричавшие на одной тоскливой ноте. Их крик оказался слишком долгим и однообразным, чтобы быть настоящим. Голиков представил себе все, что теперь произойдет, – бесконечную бюрократическую волокиту в духе Кафки: показания машиниста, показания свидетелей, ПАДАЛ МУЖЧИНА, А НЕ ЖЕНЩИНА, «Были ли вы знакомы с погибшей?», «Расскажите еще раз, как все произошло». Тем не менее раньше он трусливо остался бы на месте преступления.

«ЧЬЕГО ПРЕСТУПЛЕНИЯ!?»

Теперь же у него не было времени; его война началась, и он никому не сумел бы объяснить, что она продолжается в другом измерении.

Раньше, чем поезд остановился, Голиков рванулся и побежал к выходу. Строчка из «Pink Floyd» – «Run, Rabbit, Run», – повторяемая в десять раз быстрее оригинала, задавала ритм, с которым он переставлял ноги. Книгу Строкова он так и не выпустил из руки.

Наперерез ему уже спешил дежурный милиционер, привлеченный истошными криками на платформе. Правая рука блюстителя порядка тянулась к дубинке. Перепрыгивая через три ступени, Макс выскочил на площадку, где были установлены турникеты. Мент заносил дубинку для удара. Его перекошенное злобой лицо было выразительнее иных театральных масок.

С недоступной ранее ясностью Макс понял, что тот будет делать в следующую секунду. Горизонтальный веер, удар в живот, затем ногой – по скрюченной жертве. Наручники и несколько профилактических тычков в зубы. И это только начало...

Голиков дрался всего дважды в жизни, да и то очень давно. В нем не было ничего тупо-воинственного. Но сейчас мир резко изменился и стал гораздо жестче. Демон из снов прорыл нору в его сознание. Макс ощутил хладнокровие и беспощадность того, кто сражался за свою жизнь миллионы земных лет.

«Я СПАС ТЕБЯ, ТВАРЬ, И КОГДА-НИБУДЬ ТЫ ДОЛЖНА БУДЕШЬ
СПАСТИ МЕНЯ...»

Он впустил в себя существо, сиявшее, как осколок Луны, – такое же древнее, такое же чуждое и в восприятии Макса почти такое же мертвое.

В двух шагах от мента Голиков резко остановился, и дубинка просвистела мимо, разрезая пространство своим черным лоснящимся телом. На мгновение потеряв равновесие, страж порядка сделал лишний шаг навстречу Максиму, и тот поймал его на противоходе профессиональным жестоким ударом в солнечное сплетение, сложившим человека пополам и сразу же отключившим его.

Голиков знал, что причиной тому была не его сила и не костяшки его пальцев, – никакая рука не смогла бы без постороннего вмешательства совершить движение такое же стремительное, какое совершает поршень двигателя внутреннего сгорания, набравшего обороты.

А еще он хорошо понимал, что означает нападение на представителя власти при исполнении им служебных обязанностей. Поэтому он побежал дальше, распахивая всем телом тяжелые прозрачные качающиеся двери, промчался по полутемному переходу и выскочил из метро в районе старых двухэтажных домов. Затеряться здесь, в лабиринте узких пешеходных улочек, было совсем несложно.

Гораздо проще, чем беглецу найти убежище с помощью осколка Календаря Снов.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Четырехлетний бультерьер Зомби, в отличие от подавляющего большинства других собак, успешно охотился на крыс.

С тех пор как Зомби сбежал от хозяина, он лишился вкусной и легкодоступной еды, а взамен приобрел сомнительную свободу передвижения. Но для него это стало самым главным – потому что псы-призраки начали преследовать его. Он превратился в жертву бесплотной своры. Призраки сделали его своей игрушкой. Самое непостижимое для него заключалось в том, что среди них были и те, с которыми он когда-то дрался на арене. И которых убил.

Зомби был специально натасканным бойцовым псом и в свое время заработал для хозяина немало денег. Большую часть суток его держали в затемненной комнате. Кормили только сырым мясом. Тренировки были регулярными. Он постоянно таскал на себе несколько лишних килограммов металла и мог подолгу раскачиваться, намертво вцепившись зубами в подвешенную на суку автомобильную покрывку.

Для него то был период расцвета. Мир до грехопадения. Собачьи бои, организованные на летней сцене одного из городских парков. Роскошные тачки на подъездных аллеях. Дорогие и ухоженные человеческие самки. Запахи множества псов и крови. Хруст денег. Огороженная проволочной сеткой круглая площадка, с которой можно было и не уйти... Зомби еще помнил упоительную дрожь, охватывавшую его перед схваткой. И – отсутствие желаний. Голое существование здесь и теперь, рядом со смертью... Да, то были славные денечки!

Хозяин хорошо понимал его, и Зомби много дрался. В том числе с гораздо более крупными противниками. Он не нуждался в дополнительных стимуляторах. Он знал вкус крови ротвейлеров, кавказских и немецких овчарок, пит-булей и даже мастино. А кое-кто из них узнал и вкус его крови. Он был ранен неоднократно, в двух случаях довольно тяжело. Но никогда чужие клыки не рвали его до такой степени, чтобы полученные раны помешали Зомби покинуть арену на своих четырех. В этом смысле он вполне оправдывал свою кличку.

Еще он помнил жуткое чувство, возникавшее у него всякий раз, когда умирал враг. Будто черная тень накрывала парк, и псов вдруг охватывало оцепенение. Тень подавляла даже самых молодых и резвых. Те, которые были послабее, выли в пустоту. Такие, как Зомби, молча встречали нашествие мрака. Мрак наступал снаружи и изнутри... Потом инстинкты влекли Зомби к новому убийству.

Тень смерти. Он таскал ее за собою повсюду... Шрамы на розовой коже сделали его окончательным уродом, внушавшим отвращение и страх. Но псы-призраки были еще страшнее.

Впервые они посетили его на заднем сиденье хозяйского семсот двадцать пятого «БМВ», и тогда же Зомби бросился на жену хозяина, сидевшую впереди. Внезапное безумие длилось всего несколько мгновений, однако их оказалось достаточно, чтобы пес нанес женщине глубокие раны, обезобразившие ее на всю оставшуюся жизнь, и разорвал бриллиантовое кольцо. Если бы призраки не отступили, Зомби наверняка успел бы прикончить ее, а затем и хозяина.

Поскольку автомобиль мчался со скоростью девяносто километров в час, все могло бы завершиться погребением в совместной металлической могиле или большим очистительным костром, и тогда история не получила бы своего продолжения. Но наваждение прошло, Зомби присмирел, и, отвезя жену в больницу, хозяин чуть не вышиб из него дух.

Это было гораздо хуже, чем поражение на арене. В течение нескольких дней после экзекуции пес с трудом передвигался, мочился кровью илизывал раны, до которых мог достать языком. Двуногий на его месте задал бы себе вопрос: ПОЧЕМУ ОН МЕНЯ НЕ УБИЛ? Зомби же не имел никакого понятия о человеческой расчетливости и алчности и был доволен тем, что пока жив.

Второе посещение произошло тогда, когда, к счастью для хозяев, Зомби остался в квартире один. Это место – замкнутый бетонный резервуар, в котором люди прятались от непогоды и от себе подобных, знакомый ему до последней трещинки в паркете, еще хранившем его щенячий запах, – вдруг превратилось в ожившее собачье кладбище, звериный ад, клоаку запредельного ужаса...

Десятки стремительных тварей, полупрозрачных фантомов выскальзывали из теней, отбрасываемых предметами, чтобы впиться в Зомби стеклянными клыками и когтями; поджариваясь живьем, он спасался от них в огненном озере без берегов; но гораздо хуже физической боли было то неопишное, что запустило свои когти-иглы в его мозг и извратило его инстинкты.

Он перестал быть домашним животным, рабом человека, четвероногим существом, собакой Павлова с рефлекторным слюноотделением, организмом с предсказуемой реакцией на внешние раздражители. В его глазах плескалась иная, изнаночная реальность, и все приобрело совершенно новый смысл.

На этом гигантском кладбище, где истлевали кости, но не злоба умерщвленных, скопилось столько смертоносного яда, что он проник в каждую клетку Зомби, заполнил бесформенную кляксу его мозга и отравил энергию мышц.

Прежде чем атака призраков закончилась, мощный трехлетний кобель пробил своим телом двойное оконное стекло и вместе с дождем окровавленных осколков стал падать на землю с высоты третьего этажа...

Его спасла снежная зима и нерасторопность муниципальных служб. Он рухнул в огромный сугроб, смягчивший удар, и отделался только ушибами и шоком. Белое безмолвие вспыхнуло на месте свернувшейся в точку черноты, а в следующее мгновение Зомби уже бежал прочь от проклятого места, где никогда, никогда, никогда (теперь он понял это) он не смог бы стать свободным.

* * *

Зомби поселился вблизи от того самого парка, где в прошлом происходили собачьи бои. С одного края к парку примыкал старый завод, заброшенный во времена депрессии, с другого – огромная свалка, которая разрасталась, как раковая опухоль на теле города. Достаточно большая, чтобы бродячий пес мог навсегда затеряться здесь.

Конечно, белый бультерьер в стальном ошейнике был более заметен, чем любая дворняга, но до сих пор мало кто видел его. Днем он отсиживался в многочисленных убежищах на свалке, ночью рыскал по парку и почти всякий раз находил себе еду.

Видно, в нем была некая слепая агрессия, и это отпугивало других собак, даже совершенно одичавших и собиравшихся в многочисленные стаи. Правда, телепатическая собачья связь доносила до него обрывочные сведения о стае псов-каннибалов, которую возглавляла тварь, обозначаемая в человеческом языке сочетанием звуков «Г-Е-Р-Ц-О-Г», и непреодолимый страх подсказывал Зомби, что судьба еще не свела его с достойным противником.

Черный луч бил из-за горизонта – оттуда, где находился этот смертельный враг. Зомби ощущал даже какое-то неуловимое и необъяснимое сходство между запредельными псами-убийцами и призраками, осаждавшими его. Он чувствовал постоянную угрозу и жил обреченным, но не подавленным. Будущее являлось для него гораздо более иллюзорной материей, чем для людей.

Он был удачливым охотником и редко оставался голодным продолжительное время. Иногда его жертвами становились бродячие кошки, однако в плохие времена Зомби не брезговал и отбросами. Когда ему того хотелось, он находил себе самку среди окрестных дворняг и подавлял ее грубым натиском, силой и хорошо ощутимым излучением убийцы.

Короче говоря, свалка была вполне подходящим местом для пса-отшельника, и он мог бы кое-как провести здесь остаток жизни. Но он всего лишь получил отсрочку. Призраки не давали забыть о грядущем аде.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Через два дня после прискорбного случая в метро Максим Голиков входил в офис частного издательства «Фиона».

Теперь он стал гораздо осторожнее, и его было бы трудно поймать врасплох. Он ожидал нападения отовсюду; даже неодушевленные предметы приобрели новые, зловещие свойства. Союзник, который спас его на платформе, больше не появлялся, и Макс счел луноликого монстра галлюцинацией, неизвестным и пугающим порождением собственного сознания. Тем не менее в газетах и по местному телевидению замелькали сообщения о женщине, погибшей под колесами поезда, и мужчине, бежавшем с места трагедии. Личность женщины не была установлена...

Голиков без помощи парикмахера обрезал свои длинные волосы и, кроме того, перестал бриться. Теперь он выглядел иначе, чем прежде, и привлекал к себе меньше внимания, что вполне соответствовало его желаниям...

Он прошел по коридору и открыл дверь со стеклом, подернутым застывшими мутными волнами. Секретарша за столом просматривала какие-то бумаги. Макс сразу же сделал стойку. Густая грива черных волос, длиннющие ресницы, капризно изогнутые губы, гладкая кожа, впечатляющая грудь – и при этом никаких следов обручального кольца. Жаль, он не видел ее ног... Его фантазия заработала. Впрочем, на доверительную беседу с этой дамочкой рассчитывать не приходилось. В радиусе двух метров от нее все было затянуто искусственным льдом.

«СМАЗЛИВАЯ ИЗБАЛОВАННАЯ КУКЛА С
МИКРОСКОПИЧЕСКИМИ МОЗГАМИ. ТО, ЧТО НУЖНО. ИДЕАЛЬНОЕ
ПРИКРЫТИЕ...»

– Здравствуйте, – начал он проникновенно, но не удостоился даже мимолетного взгляда.

– Шефа нет, – небрежно бросила красотка, не отрываясь от бумаг.

Голиков резко сменил тактику.

– В котором часу вы заканчиваете? – спросил он, усаживаясь на ближайший к объекту внимания стул. Маникюр у нее тоже оказался в полном порядке. Двухсантиметровые ногти имели идеальную форму и были покрыты разноцветным лаком.

К удивлению Макса, она не отшила его и не вступила в презрительную перестрелку банальностями, а подняла глаза и посмотрела на него в упор. Он чуть не вздрогнул от неожиданности. В ее взгляде было необъяснимое отчаяние.

– У вас какое-нибудь дело?

– Да. Мне нужен адрес или телефон одного из ваших авторов.

– Зачем?

Он почувствовал, что в ее вопросах содержится далеко не праздный интерес.

– Скажем так, меня очень заинтересовала его книга...

– Фамилия?

– Строков.

Теперь она смотрела на него еще пристальнее. Как на приговоренного к чему-то нехорошему. Тем не менее между ними протянулась едва ощутимая ниточка взаимопонимания. Макс понял, что лед треснул, и молился об одном – чтобы в этот момент им никто не помешал.

Не отрывая взгляда от его лица, девушка запустила руку в ящик, извлекла и бросила на стол газету, сложенную вчетверо. Это были «Харьковские губернские ведомости» двухнедельной давности. Макс быстро просмотрел страницу и наткнулся на заметку под названием «Маньяк-самоубийца?». Дальше он читал по диагонали.

Найден мертвый мужчина... Множество ранений, нанесенных ножом для разделки мяса... Снятая кожа на руках и животе... Отрезанные гениталии... Дверь в квартиру была заперта изнутри... Нетронутые шестьсот долларов США... Только что изданная книга со следами крови и спермы погибшего... Расплывчатые комментарии судмедэксперта...

Макс ощутил тошнотворную слабость уже где-то за чертой страха. Он подозрительно уставился на сидевшую перед ним красотку. Вполне возможно, что ему готовили ловушку более изощренную, чем примитивное покушение в метро. Однако ничто не говорило об этом, кроме... мольбы о помощи, застывшей в глазах внешне вполне благополучной девицы.

– Что вы об этом думаете? – он постучал по газете костяшками пальцев.

Она дернула плечиком, пресекая его расспросы. Похоже, она была заинтересована в пояснении этой истории не меньше, чем он, и только поджидала идиота, которого можно использовать в своих целях. Что ж, Макс решил рискнуть и сыграть с ней в эту игру. По крайней мере скучать в ближайшие дни явно не придется. Тем более что не только лицо, но и фигура его новой знакомой были выше всяких похвал.

– Сюда приходила его сестра, – вдруг сказала девушка. – По-моему, она требовала часть гонорара.

– Они жили вместе?

– Нет. У меня записан ее адрес... Я заканчиваю в пять.

Макс еще раз внимательно посмотрел на нее. Куколка оказалась далеко не проста. Он с удовольствием констатировал взаимную зависимость, испытывая легкое возбуждение – как всегда в начале нового романа.

– Значит, в пять я буду ждать тебя у выхода. Кстати, как нас зовут?

– Ирина.

– Я – Максим. Или просто Макс. – Он встал, сделал четыре шага и обернулся возле двери. – Я уже скучаю.

Девушка смотрела сквозь него. В ее взгляде по-прежнему было отчаяние, хотя и не безнадежное.

– До встречи, милый, – сказала она с ледяной улыбкой и непередаваемой иронией.

* * *

В половине шестого вечера они вышли из метро на станции «Пролетарская» и отправились разыскивать дом Строковой. Снова вернулись холода, и Голиков подумал, что было бы совсем не лишним пропустить где-нибудь рюмочку-другую. Его пробирала дрожь.

На Ирине была роскошная шуба, на широком воротнике которой прекрасно смотрелись распущенные волосы. Макс предположил, что шуба честно заработана в постели. Однако сейчас важным ему казалось другое: на мужчину, идущего рядом с такой женщиной, обращали мало внимания. А может быть, как раз наоборот.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.